

ДАЙТЕ УЧИТЕЛЮ «ПИСТОЛЕТ»

Олег Ласуков, методист Воронежского государственного педагогического университета

Почему? Что со мной произошло? Куда исчезло воспитание и взлелеянное с детства уважение к себе подобным, к замечательному существу, называемому «человек»? — подумал Румата с ужасом. Ведь я же их по-настоящему ненавижу... Не жалею, нет — ненавижу и презираю. Я могу сколько угодно оправдывать тупость и зверство этого парня, социальные условия, жуткое воспитание, всё, что угодно, но я теперь отчётливо вижу, что это мой враг, враг всего, что я люблю, враг того, что я считаю самым святым. И ненавижу я его не теоретически, не как «типичного представителя», а его самого, его как личность. Ненавижу его слюнявую морду, вонь его немытого тела, его злобу ко всему, что выходит за пределы половых отправления и выпивки. Вот он топчется, этот недоросль, сопит, стоеросовая дубина, мучительно пытаюсь вспомнить параграфы скверно вызубренного устава... И он махнёт на всё рукой, вернётся в свою нишу, сунет в пасть ком жевательной коры и будет чавкать, пуская слюни и причмокивая. И ничего на свете он не хочет знать, и ни о чём на свете он не хочет думать... Я пришёл сюда любить людей, помочь им разогнуться, увидеть небо. Нет, я плохой разведчик... Разве бог имеет право на какое-нибудь чувство, кроме жалости?..

Стругацкие. «Трудно быть богом»

Только ленивый политик не лил «крокодиловых слёз» по поводу бедственного материального положения учителей. Зарплата у них, горемык, — величина принципиально ненаблюдаемая, оттого, мол, профессия эта столь не престижна. Вот как бы дать каждому тыщ по сто, сразу в Педагогический и конкурс возрастёт, и парни после армии повалят. Подкинуть денжат, конечно, можно и нужно, но, смею вас уверить, изменится мало что.

С точки зрения прозаического бытия работа учителя не так уж и плоха. Круглый год в чистых кабинетах, отпуск месяца два за год набегаёт, жизнь насыщена интересными событиями, общение с новым поколением наполняет энергией, продлевает молодость и держит в курсе. Если войти в лекционную аудиторию и спросить студентов-первокурсников: «Так, мол, и так, давайте честно и откровенно, ей-богу, никому не скажем: кто из вас действительно собирается, получив диплом, идти работать в школу?» Из ста человек поднимут руки двое. Если этот вопрос задать четверокурсникам после практики в школе, процент поднявших руки значительно возрастет. Почему? А потому, что им понравилось. «Когда я увидела эти глазёнки, — откровенничала молодая учительница, — я поняла, что не могу без них жить».

Одной школе страшно повезло. К ним занесло жён двух «новых русских». За каким-то лешим им необходимо было отработать в школе полгода, по непо-

нятным юридическим причинам. Взяли они себе по полставки и начали в этой школе в основном демонстрировать моднейшие тряпки. День демонстрируют, два... С тех пор прошло уже четыре года, а они и сейчас днём и ночью пропадают в этой школе на две ставки и даже не помышляют о смене профессии. Одну бросил муж, так как жену видел редко, а второй, более любящий, не успевает выписывать чеки для нужд школы.

Когда-то режиссёр Михалков дал ещё одно определение популярного выражения: «Счастье — это когда получается». Тот, у кого хоть однажды «получилось», уже вряд ли полностью откажется от учительства. Хоть пару часов в неделю, но сохранит.

Но это всё — исключения. Педагог — профессия массовая, а требования к ней архистрогие. Хотим мы того или нет, но наши школы всегда будут заполнять средние, малоинтересные в личностном плане педагоги.

Что такое школа? Реально, без интеллигентской, гуманистической трескотни? Прежде всего, это аппарат принуждения, и работают там, в основной массе, не сеятели разумного, доброго, вечного, а «заставлятели» учиться. Школа — место, где дети получают ответы на вопросы, которые они не задавали. Пока, слава богу, ещё никому в голову не пришло спрашивать ребятню, хочет ли она учить физику и писать сочинения. Пока. Скоро начнут спрашивать...

Не потому ли уровень советского образования был весьма высок, что административно-командная система заставляла учителей неустанно трудиться по этому самому «заставлянию». Советские школьники на международных олимпиадах «делали» «просвещённых» европейцев и американцев только так и откровенно скучали, быстренько порешав лёгенькие задачки, над которыми пытели их сверстники из Франции и Канад.

Что же произошло после великого Развала? В нашу школу пришла всеразьедающая зараза

под видом либеральных идей. Стали говорить о демократизме в школе, тыкать в лицо международной конвенцией о правах ребёнка, рассуждать об индивидуальном подходе и уважении к личности ребёнка. Как грибы после дождя, стали расти ряды защитников детских прав: юристы, журналисты, общественные организации, работники органов образования; родители тоже поднабрались этой гадости и, вместо того чтобы говорить учителям «разрешаю его пороть», стали, чуть что, звонить адвокатам.

Учитель стал самым бесправным, самым замордованным на свете существом, лишённым какой-либо власти над учениками. Конечно, согласно статистике, процентов двадцать ребят — это милейшие, комфортные для работы с ними создания; ещё половина — ни туда ни сюда — пойдёт по направлению ветра; остальные — это плохие дети: лентяи, хулиганы, манипуляторы, доводили до слёз, несдержанные остряки, срыватели урока и пр. Только не надо сейчас вспоминать банальности типа «плохих детей не бывает»... Договорились?

И вот именно в борьбе за этих самых плохих, которых не бывает, идут с вилами на учителя армии «защитников». Сколько удобных тезисов: «ты должен, ты обязан работать с каждым», «выгоняя ученика из класса, вы капитулируете перед ним», «нужно в каждом видеть личность» и пр. И вот сидит на задней парте тупая, безмозглая скотина с растопыренными пальцами: «Ну, учите меня».

Вспоминается сюжет «Прощай, Вася» из старого «Ералаша». В школе — грандиозные торжества по поводу того, что ученик Вася, который сильно напрягал всех-всех, переходит в другую школу, и никто не может скрыть ликования. Ещё была песенка «А ты рот не разевай / газетки-то почитывай, / а ну, давай, давай / меня перевоспитывай». Ну, и наконец, Агния Барто о том, как охает жоатая: «Единица в табеле, / значит, мы внимание / к мальчику ослабили...».

Словом, как бы над тобой плохие ученики ни издевались, ничего с ними сделать «не могли», сожрут живьём все: от районо до адвокатов.

Учителя с фантазией и педагогическим даром, конечно выкручиваются. Они организуют себе так называемую «сильную позицию». Например, пришёл в одно ПТУ новый педагог-организатор Иван Фёдорович. Первым делом натащил в свой кабинет компьютеров, гитар, синтезаторов, шахмат, самоваров и прочего соблазнительного. Не прикрыв дверь, сел пить чай, поигрывая на гитаре и пощёлкивая мышкой. Естественно, стали заглядывать и спрашивать: «А можно?». Оказалось, можно. Сначала в это пространство соблазнов допускались все желающие. Организовалась интереснейшая жизнь: турпоходы, соревнования, концерты... А потом Иван Фёдорович кое-кому сказал заветное «нельзя». Почему? А двойки у вас, милостивый государь, да и слово «козёл» в лексиконе слишком употребительное. И чтоб вернуться сюда, в это пространство соблазнов, нужно меняться в лучшую сторону. И ведь менялись, на глазах менялись... Пробовали его приструнить проверяющие, но никак к педагогу не придерёшься. Кабинет Иван Фёдорович организовал на собственные деньги, в свободное от работы время, и посему имеет он полное право некоторым учащимся в этом приятном общении отказать. Процент «исправившихся» детей стал расти как на дрожжах.

Есть категория славных учителей-умниц, к которым ученики обожают ходить домой пить чай. И хочешь не хочешь — приходится быть хорошими, а то ведь могут и не пригласить на чай-то...

Учителя с фантазией, но без глубокого педагогического дара, защищают себя по-другому. Молоденькая, красивая Рита, выпускница ВГУ, пришла работать в школу математикой. Методикой она владела и вполне была в состоянии создать на уроке атмосферу «как приятно узнать, что ты что-то узнал». Но сильно мешали два урода. Остроты, реплики, скабрёзности так и сыпались во время уроков, доводя девочку до слёз. Директорша школы на жалобы надменно твердила: «Какой же ты педагог, если не можешь...» И вот доведённая до отчаяния учителька решила объясниться со своими мучителями на том языке, который они хорошо понимали.

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

Как-то после уроков, довольно далеко от школы, два неизвестных крепких парня подловили этих поганцев и «навешали им люлей». Не столько больно, сколько унижительно. Причины названы не были. Мало ли какие неизвестные хулиганы... Поначалу эти двое не связали полученные тумаки со своим поведением на уроках и потому через два дня они опять учительнице нахамили. Но тут Рита спокойно достала телефон, набрала номер и произнесла в трубку: «Сегодня снова». Экзекуция повторилась с худшим результатом... С тех пор школа не могла нарадоваться на двух прилежных, хорошо воспитанных мальчиков. А Риту почему-то сильно зауважали и ученики и коллеги, и директорша стала вообще нахваливать... Почему-то...

Молодой учитель историк Илья рассказывал, как доводил его 12-летний крысёнок. И некогда было Илье возиться с ним: часы, планы уроков... Куратор класса индивидуальным воспитанием тоже себя не сильно напрягал. Однажды Илюша не сдержался и таки-сказал крысёнку: «Ужо я тебе!». Тот был умный и отметил насмешливо: «А не имеете права». «Конечно, не имею», — вздохнул учитель. — Но пойду сейчас к реальным пацанам из 10«а». Они такие дурачки, что даже не знают о том, что не имеют права размазать тебя по асфальту». И медленно пошёл из класса. Разумеется, был настигнут в коридоре несостоявшимся правоведам... и были сопли со слезами и клятвы в верности...

Учителя же средних способностей и малой решительности влечат жалкое бремя унижений, не имея даже подобия «сильной позиции». Всего из-за нескольких маленьких каналов наши бедные педагоги по ночам плачут в форточку и курят в подушку... Или наоборот?.. Не это ли основная причина того, что в учителя идут мало, неохотно и исключительно женщины? Без «сильной позиции», без чётко функционирующей системы

принуждения нет и не может быть налажена система эффективного воспитания подрастающего поколения, что бы ни говорили гуманисты из рядов гнилой интеллигенции

Государство должно помочь среднему учителю обрести «сильную позицию», вернуть уважение общества к этой профессии. И здесь зарплатой не отделаешься. У всякого педагога должен быть «пистолет в кобуре». Что это значит? Это значит, что каждый учитель должен обладать неотъемлемым правом... нет, по-прежнему нельзя бить ребёнка, обзывать его плохими словами и вообще повышать голос... но при соблюдении этих правил он может указать пальцем на любого ученика и обязательно спокойным голосом сказать: «Ты в нашей школе больше не учишься. Почему? А так мне захотелось». И никто, ни директор, ни министр не должны мочь это Его решение отменить. (Как в армии: майор не может отменить взыскание, наложенное сержантом.) И тогда у балбеса и его родителей наступит другая жизнь. Искать другую школу, униженно просить принять заблудшее чадо, а всякий учитель новой школы имеет то же самое право, да ещё и поинтересоваться: почему выгнали? Загнанная в угол «звезда» очень скоро поймёт, что у неё только один выход: учиться и вести себя так, чтобы всякому учителю нравиться.

Не воображайте, что этот закон приведёт к массовому выбросу на улицы тысяч и тысяч подростков. Опыт показывает, что отчисление только одного индивидуума «без объяснения причин» производит на остальных неизгладимое впечатление. Отдельные жертвы не будут напрасны. Государство Израиль изнывает от терроризма. Но заложников там не берут. Почему? Да потому, что первые заложники погибли при немедленном и решительном штурме. Их жертвы не были напрасны. Теперь каждый террорист знает: возьмёшь заложников — в живых тебе не быть. Не прояви мы «заботу о людях» в Будённовске — не было бы потом ни Первомайского, ни Дубровки, ни Беслана...

Борясь за каждого ученика, мы обидляем и растлеваем вседозволенностью большие массы подростков.

А то сейчас: сколько ученик должен разбить стёкол, нахамить и наматериться, чтобы его выгнали из школы?

Вспомним историю. Культурная революция в Китае. Учителя были объявлены контрреволюционерами, толпы опьянённых безнаказанностью хунвейбинов били и даже убивали их всех подряд. Наконец председатель Мао власть укрепил. Как и положено, всех активнейших хунвейбинов отправили в места не столь отдалённые (за контрреволюционные настроения), а остальные вернулись в школы... Тут-то выяснилось, как всё запущено... И пришлось в Китае вводить драконовские законы по повышению авторитета учителя... Каждый ученик должен был приветствовать учителя салютом, молчать, пока не разрешат говорить, начинать и заканчивать речь почтительным словом... много чего приняли. При малейшем непослушании — поганую метлой. По сути, вернулись к философии Конфуция, который учил: «Даже если старший совершает самые отвратительные преступления, единственное, что может позволить молодой человек, это смиренно просить его этого не делать».

Магические слова «ты свободен» — лучшее лекарство для заблудшей детской души. Проверено опытом. В одной из воронежских школ директор не жалеет сил и средств на охрану школьных вечеров. Во время дискотеки у входа стоят здоровенные амбалы и никого не пропускают без именного приглашительного. А приглашительные выдают исключительно классные руководители, которым предписано не разбрасываться ими направо и налево. Школьная дискотека, конечно, мелковатое «пространство соблазнов» но хоть что-то. Школа заметно стала здоровее.

Среди первокурсников педуниверситета один из факультетов проводил двухдневное

Посвящение на турбазе. Старшекурсница Даша подошла к руководителю и сказала: «У меня в отряде два парня очень по-хамски себя ведут. Один ещё ничего, а вот второй... Сейчас подойду и скажу им, что если они будут продолжать, то я их выгоню с Посвящения». Мудрый педагог сказал ей: «Даша, никогда никому не говори слов «если, то...». Разве товарищ Сталин хоть кому-нибудь хоть раз сказал слово «расстреляю»? Подойди сейчас к парню, который хуже всех, и скажи, чтоб он взял свой рюкзак и через пять минут духу чтобы...». Нахала выпнали, несмотря на мольбы и раскаяние. Удивительно было то, что второй наглец, которого не выпнали, вечером встал перед Дашей на колени, целовал руку и умолял о прощении. С чего бы это он?

Великим педагогом был Антон Макаренко. И было у него множество блестящих качеств: и сила неординарной личности, и способность находить верные слова, решительность в поступках. (Вопреки всем педагогическим канонам дал пацану в морду, и тот его сразу понял...) Но всё же, но всё же... Недостаточно всего этого, товарищи, совершенно недостаточно. Что-то должно быть такое, что заставляет воспитанников подчиняться педагогу, т.е. тело воспитанника, вопреки первоначальным своим привычкам и желаниям, делает то, что ему велено: учит химию, пилит дрова, занимается в хоре... Раз, другой, третий... А потом оно (тело) вдруг обнаруживает, что это всё не только более не тягостно, но и даже очень приятно, особенно в плане общения со сверстниками. Рядом с ним десятки таких же тел, которые делают то же самое и никуда уже даже самой индивидуальной личности уже не деться. Далее наш объект воспитания уже не представляет, как он без всего

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

этого теперь будет жить, и пойдёт за воспитателем куда угодно.

Но с чего начинал великий педагог? А с того, что в колонии имени Горького круглосуточно дежурил наряд НКВД. И в любой час дня и ночи Макаренко мог отправить зарвавшегося воспитанника туда, откуда взял его на поруки, т.е. в тюрьму. Уверен, что отправлять пришлось совсем немногих. Виртуальный «пистолет в кобуре» был в его руках, что позволяло Антону Семёновичу вести себя уверенно, смело идти на эксперименты, не боясь ошибиться. Жил он в сталинскую эпоху и, видимо, знал главный принцип вождя: «Есть человек, есть проблема, нэт человека, нэт проблемы».

Примите этот закон! Как угодно спрашивайте с педагога за результаты, но наделите его только одним правом — не любить, не учить, не общаться, не видеть того, кто ему не нравится. «Негуманно», «бессильно», «бесчеловечно» — скажут интеллигенты и ленивые родители. Песня не новая...

Дайте, дайте учителю «пистолет»! Ему и «стрелять» не придётся. Но как расправятся его плечи, какую твёрдость приобретёт походка, какие металлические нотки появятся в голосе... В любом обществе он сможет с гордостью ответить на вопрос о профессии: «я — учитель», и почтительным выражением озаются лица присутствующих. **В.Ш**